

РАЗДЕЛ III ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА: АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ

ИРАН В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА*

Александр Сергеевич Ходунов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье анализируется политика Ирана по противостоянию старому мировому порядку и формированию нового. Иран начал активную борьбу против миропорядка, основанного на доминировании Запада, еще в 1979 г., после Исламской революции, которую революционный лидер аятолла Хомейни провозгласил началом борьбы против любых форм угнетения и тирании во всем мире. К настоящему времени Ирану удалось создать в регионе альянс из союзных режимов и группировок (преимущественно шиитских). Религиозные и политические лидеры Ирана постоянно говорят о несправедливости нынешнего мирового порядка и о преступлениях стран Запада. Очевидно, что Иран – одна из наиболее заинтересованных стран в изменении существующего мирового порядка. Путь к его изменению иранские власти видят в создании многополярного мира. Несмотря на впечатляющие достижения в социальном развитии страны после исламской революции, в Иране в последние годы все больше накапливаются серьезные внутренние проблемы, которые нуждаются в срочном решении, чтобы продолжать стабильное и успешное развитие.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Ходунов А. С. (2023). Иран в условиях изменения мирового порядка. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 14: 261–288. DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_07.

For citation: Khodunov A. (2023). Iran in the context of a changing world order. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks* 14: 261–288. DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_07.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2023 261–288
DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_07

Введение

Одну из центральных ролей в дестабилизации старого мирового порядка, основанного на политическом и экономическом доминировании западных государств, уже длительное время играет Иран, во всяком случае, на региональном уровне. Иран за последние 70 лет прошел путь от верного слуги и союзника США (после переворота, организованного ЦРУ в 1953 г., в результате которого шах Мохаммед-Реза Пехлеви сверг премьер-министра Мохаммеда Мосаддека, известного своей борьбой за подлинную независимость Ирана и сторонника национализации принадлежавших британской компании иранских нефтяных месторождений, и вернул себе абсолютную власть [см. об этом: Сажин 2023]) до наиболее непримиримого противника американского и израильского влияния на Ближнем Востоке, особенно со второй половины 2000-х гг. Переломным событием стала, вне всякого сомнения, Исламская революция 1979 г., в которой приняли активное участие миллионы иранцев. В результате была свергнута монархия и установлена исламская республика, и в стране были осуществлены преобразования, во многом типичные для других ближневосточных стран, где к власти приходили умеренные исламисты (об особенностях модернизации при исламизме см.: Гринин, Коротаев 2019). С этого момента Иран проводит последовательно независимую политику, не обращая внимания на реакцию Запада, и противодействует фактически любым инициативам США и Западной Европы в Ближневосточном регионе. Такая последовательно антизападная и суверенистская политика привела к серьезному противодействию со стороны Запада вплоть до введения жестких санкций и призывов к свержению исламского режима со стороны высших западных функционеров. Однако Иран, несмотря на внешнее давление, до сих пор не отступил от своих основных внешнеполитических принципов.

Краткий обзор внешней политики Ирана после Исламской революции и до конца 2000-х гг.: радикальный разрыв с проамериканским курсом

Исламскую революцию организовали и осуществили наиболее негативно настроенные к Западу социально-политические группы Ирана (консервативное шиитское духовенство, опиравшиеся в значительной части на бедную городскую молодежь, в союзе с исламскими марксистами). Наиболее радикальным шагом стал захват американского посольства, осуществленной организацией под наз-

ванием «Студенты – последователи курса имама [Хомейни]». В результате США разорвали дипломатические отношения с Ираном. Против Тегерана президентом Дж. Картером были введены серьезные экономические и политические санкции (см. об этом: Алиев 2004).

Впрочем, одними санкциями дело не ограничилось. После начала ирано-иракской войны США и Западная Европа решили, что возможная победа Ирана представляет большую опасность для Ближнего Востока, так как может привести к завоеванию Ираном аравийских монархий и к радикальной исламизации всего региона, и стали всеми средствами оказывать помощь режиму Саддама Хусейна в Ираке. В начале военных действий СССР также оказывал военно-техническую и экономическую помощь Ираку по причине длительного активного взаимодействия с социалистическими правительствами этой страны, а также из-за недовольства позицией Ирана по вопросу войны в Афганистане. Арабский мир (за существенным исключением в виде Ливии и Сирии) и особенно нефтяные монархии Персидского залива также поддерживали Ирак. Мировые СМИ освещали конфликт в пользу Ирака, показывая действия Ирана в негативном свете (Ткачев 2017: 90–91). По некоторым сведениям, Китай поставлял оружие обеим сторонам, но режиму Хусейна он поставил вдвое больше оружия, чем Ирану (United States Institute of Peace 2023). Таким образом, Иран противостоял Ираку фактически в одиночестве, без сколько-нибудь значимой поддержки, в то время как в Ирак шел огромный поток разнообразной военной и финансовой помощи. Поначалу военная удача сопутствовала иракцам, которые смогли оккупировать 20 тыс. кв. км территории Ирана. Однако последний ценой невероятных усилий сначала стабилизировал фронт, а затем в 1982 г. освободил свою территорию и перешел в контрнаступление, хотя в конечном итоге не смог достичь значительных успехов, и война в 1988 г. завершилась, ничего не изменив.

США начиная с 1983 г. установили с Ираком тесное сотрудничество, включая передачу технологий двойного назначения, несмотря на активное использование иракцами химического оружия против иранских войск, что вызвало критику по отношению к администрации Рейгана со стороны некоторых американских интеллектуалов. Правда, Америка не давала разрешения иракцам на применение химического оружия и на словах осудила его использование, но власти Ирака не воспринимали никакую критику и продолжали применять его против иранцев, а США в то же время продолжали помогать Ираку. В результате репутация Соединенных Штатов

в мире сильно пострадала. США также были заинтересованы в том, чтобы ни одна из противоборствующих сторон не добилась решительной победы (что фактически означало продление войны на долгие годы и увеличение количества жертв). Основная американская помощь Ираку была оказана в то время, когда Иран воевал на его территории, чтобы не допустить поражения страны, хотя никакой американской помощи Ирану в 1980–1982 гг. в аналогичной ситуации, когда Ирак завоевал заметную часть Хузестана, не было оказано. США также утверждали, что обе стороны виноваты в массовых убийствах мирных жителей (Walker 2017), хотя масштабы авиаударов Ирака по городам Ирана многократно превышали подобную активность Ирана против иракских городов, не говоря уже о большой разнице в подходе к бомбардировкам и в выборе целей, о чем будет сказано ниже.

1990-е гг., с одной стороны, стали для Ирана временем экономического восстановления после разрушительной войны, а с другой стороны, отличались некоторой активизацией отношений с Западом, особенно в торгово-экономической сфере. Президенты Ирана того периода – представитель политической группировки прагматиков (центристов) Али Акбар Хашеми Рафсанджани (1989–1997) и особенно представитель реформаторов (наиболее либерального крыла в иранской политической системе) Мохаммад Хатами (1997–2005) – придерживались позиции, согласно которой активное экономическое взаимодействие с Западом необходимо для быстрого и успешного развития страны. Однако контроль над всеми рычагами власти в Иране находится в руках не президента, а верховного лидера (перс. *рахбар*) – шиитского религиозного авторитета. Рахбар Али Хаменеи, управляющий Ираном после смерти аятоллы Хомейни в 1989 г., выступает за активное противостояние Западу во внешней политике, допуская развитие экономических связей в той мере, в какой это необходимо и полезно для Ирана. Поэтому серьезных перемен во внешнеполитическом курсе в этот период не произошло: страна все так же не признавала Израиль (это государство считают в Иране оплотом западного влияния на Ближнем Востоке и обвиняют в незаконном захвате земель мусульман, массовых жестоких преступлениях против палестинцев) и не восстановила дипломатические отношения с США. Тем не менее президент Мохаммад Хатами сделал ряд важных заявлений, свидетельствующих о его открытости и готовности к диалогу (при этом не выходя за рамки, обозначенные Хаменеи): высоко отозвался об американской демократии и предложил концепцию диалога цивилизаций (вместо концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций). Запад, несмот-

ря на благодушный настрой Хатами, продолжал очень негативно относиться к Ирану. Так, президент США Джордж Буш-младший в 2001 г. объявил Иран частью «оси зла» наряду с Ираком и Северной Кореей, что усилило антизападные настроения в стране и способствовало укреплению позиций консерваторов (Abrahamian 2008).

В 2005 г. на президентских выборах победил представитель течения радикальных консерваторов Махмуд Ахмадинежад (2005–2012). С его именем связано значительное ужесточение позиции Ирана по вопросу ядерной программы, что привело к беспокойству международного сообщества из-за возможной военной составляющей ядерной деятельности Тегерана и введения Советом безопасности ООН антииранских санкций в 2010 г. Также М. Ахмадинежад получил известность своими выступлениями в ООН, направленными против доминирования Запада и Израиля в современном миропорядке. По его словам, мир должен быть избавлен от гегемонии империалистов. В качестве решения проблем он видел религиозно ориентированный консерватизм (РБК 2012). Однако внутренняя политика этого президента страдала от многочисленных ошибок и просчетов, во многом продиктованных популистским курсом и продвижением своих друзей на высшие государственные посты. Так, частично отменив субсидии, администрация Ахмадинежада при этом раздавала большие суммы денег населению как компенсацию, в результате чего резко выросла инфляция (Мамедова 2013). Также, вопреки заветам Хомейни, который строго запретил военным участвовать в политике, произошло резкое усиление влияния Корпуса стражей исламской революции (КСИР) – элитного подразделения армии, особенно в тот период, когда президентский пост занимал М. Ахмадинежад, сам бывший сотрудник КСИР: ветеранами КСИР при нем были пять губернаторов провинций, девять министров, 90 депутатов парламента, глава государственной телерадиокомпании и др. (Сажин 2017: 104–105).

Внешнеполитическая активность Ирана на современном этапе: противостояние американскому курсу на Ближнем Востоке путем всесторонней поддержки шиитского фактора

С 2011 г., после начала сирийской гражданской войны, наблюдается резкая активизация политики Ирана на Ближнем Востоке. До этого республика в основном ограничивалась помощью палестинской организации «Хамас» и ливанской шиитской организации «Хезболла» против Израиля, а также укрепляла свое политическое

влияние в Ираке (бывшем агрессоре) после падения режима Саддама Хусейна, действуя через лояльные шиитские группировки. После 2011 г. Иран резко усилил свою деятельность в регионе, начав действовать в том числе военным путем. Уже с начала сирийской гражданской войны отряды КСИР и сформированные им шиитские ополчения активно действовали в Сирии, сражаясь на стороне президента Башара Асада против вооруженной оппозиции. К 2017 г. в боях погибли сотни офицеров КСИР, в том числе 10 генералов. Также по распоряжению Тегерана в Сирию вошли отряды «Хезболлы». Иран активно оказывает помощь вооружением и инструкторами КСИР йеменским хуситам – антиамериканскому и антисаудовскому вооруженному движению, опирающемуся на шиитский север страны и воюющему против преимущественно суннитского юга Йемена (Сажин 2017: 106–107). С 2014 г. по просьбе проирански ориентированного премьер-министра Нури аль-Малики КСИР появился и в Ираке, вступив в вооруженную борьбу с отрядами террористов запрещенной в России группировки ИГИЛ. Иран также активно проводил военные операции в Ираке через подчиняющиеся напрямую Тегерану шиитские полувоенные отряды «Народные мобилизационные силы», насчитывающие 142 тыс. человек. Некоторые члены Европейского парламента обвинили проправительственные и проиранские шиитские милиции в массовых убийствах и изгнании иракцев-суннитов (Миняжетдинов 2017), но эти обвинения нуждаются в тщательных расследованиях.

Как можно видеть, все режимы и движения, которым оказывает помощь Иран (за исключением палестинского движения «Хамас») являются шиитскими или близкими к шиизму. Поэтому, предсказуемым образом, резко обострились отношения Ирана с лидером суннитского мира – Саудовской Аравией, которая, напротив, поддерживала в Сирии и Йемене суннитские вооруженные группировки с молчаливого одобрения своего главного западного союзника США. В этой связи можно говорить об опосредованной войне (так называемой прокси-войне) Ирана с Саудовской Аравией в регионе. В январе 2016 г., после казни в Саудовской Аравии проиранского шиитского проповедника Нимра ан-Нимра и нападения на саудовское посольство в Тегеране, стороны разорвали дипломатические отношения. Seriously ухудшились также отношения Ирана с Турцией. Президент Р. Т. Эрдоган объявил Турцию покровительницей сирийской суннитской оппозиции, обвинив режим Б. Асада в массовых убийствах верующих мусульман-суннитов, и неоднократно высказывал недовольство по поводу поддержки Ираном сирийско-

го правительства. В октябре 2014 г. Эрдоган даже обвинил верховного лидера Ирана Хаменеи в том, что он поддерживает «убийцу 250 тыс. человек» Асада, сочтя такую позицию неприемлемой для духовных лидеров (Sabah 2014). Ближневосточный регион оказался охвачен кровопролитными межконфессиональными конфликтами с непредсказуемыми последствиями.

Здесь необходимо остановиться на видении иранской властью современного мирового порядка и на ее представлениях о том, каким должен быть справедливый миропорядок. Лидер исламской революции аятолла Хомейни в своей речи 1978 г. посчитал США и Великобританию главными государствами, управляющими мировым порядком, и обвинил их в колониализме и массовых преступлениях против мусульман. Он также считал, что США и Великобритания намеренно создали государство Израиль для угнетения ближневосточных мусульман (Khomeini 2008a). Таким образом, Хомейни, будучи глубоко верующим мусульманином и воспринимая мировые политические процессы в религиозно-исламском ключе, видел мусульманские народы в качестве основных жертв несправедливого мирового порядка.

В своем религиозно-политическом завещании, написанном в 1983 г., Хомейни охарактеризовал США как «государство-террорист», которое постоянно совершает преступления по всему миру и старается привести к власти полностью послушных правителей. Однако, по его словам, свободолюбивый иранский народ сверг проамериканскую династию и тем самым открыл дорогу для освобождения остальных стран и территорий мира. Одним из полюсов, противостоящих США, он называл советский блок, однако из-за своего неприятия коммунизма с его атеистической идеологией Хомейни полагал, что влияние политики СССР в мире было в целом негативным (хотя и не настолько деструктивным, как политика Запада). Хомейни также призывал угнетенные народы самим начать борьбу с угнетателями и тем самым создать условия для победы нового и справедливого миропорядка. Себя и организованную им Исламскую революцию он видел в качестве двигателя глобальных перемен по демонтажу старого миропорядка и восхищался достижениями Исламской революции, которых его режим добился за столь короткий срок. Хомейни выразил надежду, что ведущую роль в новом мировом порядке займут освободившиеся от западной зависимости мусульманские страны во главе с революционным Ираном, хотя он с уважением относился и к другим традиционным религиям (Khomeini 2008b).

Таким образом, Хомейни провозгласил Исламскую революцию Ирана началом формирующегося нового мирового порядка и одновременно его главным полюсом. Поэтому он говорил, что исламское правление, противостоящее угнетению, должно победить и в других странах. На первый взгляд это можно воспринять как агрессивный экспансионизм и стремление завоевывать соседние страны, силой навязывая им исламский режим. Однако Хомейни разъяснял, что речь идет не о силовом давлении на другие общества, а о мирном ненасильственном расширении идей Исламской революции и борьбы с угнетением, подразумевающим пропаганду достижений исламского режима в Иране, в результате которой жители других угнетенных стран, прежде всего мусульманских, сами добровольно захотят создать такой же режим у себя и освободятся от господства сверхдержав, остановив разграбление своих природных богатств и отказавшись слепо слушать своих зарубежных хозяев. Границы государств при этом должны оставаться неизменными. Единственной страной, где Иран (впрочем, безуспешно) пробовал силой свергнуть правителя, был Ирак, но это исключение подтверждает правило: Ирак первым напал на Иран с целью свергнуть исламский режим и завоевать богатую нефтью провинцию Хузестан. Действия Ирана были силовым ответом на угрозу, исходящую от режима Хусейна, ответственного за множество преступлений не только в Иране, но и в самом Ираке. Хомейни отделял народ Ирака от его режима и неоднократно обращался к иракскому народу с призывом о том, чтобы он прекратил бессмысленную войну против исламского режима, защищая тирана, отрекшегося от моральных и религиозных норм, и сверг Хусейна, подобно тому как иранцы свергли шаха Мохаммеда-Реза (Ткачев 2017).

Нынешний рахбар Ирана аятолла Хаменеи также придерживается очень критичного отношения к современному однополярному миропорядку, возглавляемому США. По его словам, западные политики, несмотря на свои красивые костюмы и привлекательные слова о необходимости соблюдать права человека и права животных, фактически под прикрытием высоких фраз отдают приказы о совершении самых страшных преступлений – прежде всего против мусульман (Афганистан, Ирак и др.). Эпицентром угнетения и преступлений в современном мире Хаменеи (вслед за своим соратником и учителем Хомейни) называет США, заявляя, что Америка превзошла в своей жестокости даже запрещенное в РФ ИГИЛ. Верховный лидер Ирана не ограничился простым перечислением преступлений Запада в истории и современности, но и назвал причину,

почему это происходит: на его взгляд, основной причиной столь жестокого поведения гегемонов мирового порядка является чрезмерная секуляризация общественной жизни. На Западе уже давно произошло полное отделение политики от религии и науки от духовности. По словам Хаменеи, благодаря научно-техническому прогрессу Запад смог занять доминирующие позиции в мире. Однако из-за отказа западных лидеров соблюдать религиозные и просто нравственные нормы поведения господство Запада в мире привело к колониализму – насильственному захвату более слабых народов, к которым западные власти и армии относились с варварской жестокостью и привели их к глубокому социально-экономическому упадку. Скрытые колониальные методы под различным прикрытием во многом сохраняются в западной политике до сих пор. Подобных взглядов на современный Запад и его несправедливый миропорядок придерживаются и другие иранские консервативные политики и духовные деятели (см.: Филин и др. 2022).

Особенную внешнеполитическую активность Иран после 1989 г. и до начала «арабской весны» проявил в войне в Боснии и Герцеговине, оказав широкомасштабную помощь центральной власти в Боснии и Герцеговине во главе с умеренным исламистом Алией Изетбеговичем как наиболее уязвимой стороне конфликта, столкнувшейся одновременно с агрессией сербских войск и хорватских вооруженных формирований. Иран активно помогал боснийским мусульманам оружием, инструкторами, нефтью, продовольствием, причем продовольственная помощь распределялась всем нуждающимся вне зависимости от национальностей. Раненые мусульмане были эвакуированы в Иран для лечения. По словам консервативного политика и представителя высшего духовенства Ахмада Джаннати, помощь боснийским мусульманам оказывалась в рамках исламского концепта помощи угнетенным (*мостазафин*). Сами боснийские мусульмане признавали решающую роль иранского оружия и иранских инструкторов в том, что смогли продержаться на первом этапе войны. Иранские лидеры при этом критиковали Запад и ООН за эмбарго на оружие Боснии, а также за равнодушие к массовой гибели мирных жителей в республике, в основном мусульман, заявляя, что Запад не хочет создания исламского государства в Европе и поэтому допустил агрессию мощной сербской армии на плохо вооруженных мусульман. После войны иранцы помогли боснийцам отстраивать разрушенные мечети, библиотеки, школы. Однако после войны под давлением Запада боснийские власти свели к минимуму отношения с Ираном и переориентировались на стра-

ны НАТО и Евросоюза. Интересно, что Иран, несмотря на стремление помогать в первую очередь мусульманам, не пошел полностью навстречу косовским албанцам: он хоть и осудил преступления режима С. Милошевича в Косово и отправил пострадавшим албанцам значительные объемы средств, но при этом осудил также и бомбардировки НАТО Сербии в 1999 г., заявив, что они не могут стать решением конфликта, а также отказался признать независимость Косово, так как оно было отделено от Сербии при активном вмешательстве и лоббировании Запада (см.: Ходунов 2022: 91–96).

Нынешний президент Эбрахим Раиси в качестве важного шага к справедливому миропорядку называет начавшийся процесс перехода к многополярному миру путем укрепления региональных организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества. Э. Раиси отметил, что рост влияния Ирана в мире и в регионе произойдет благодаря взаимодействию с его друзьями (очевидно, подразумевая Россию, Китай и Индию) и что Иран продолжит помогать свободолюбивым народам мира. По его словам, этому процессу противится только Запад, не желающий утратить свое доминирование в мире (Sputnik Iran 2022).

Характерно, что сами иранцы не акцентируют внимание на религиозных различиях между суннитами и шиитами. Сам Хомейни считал эти различия несущественными (Жигалина 1996: 165). Иранские политические и религиозные деятели говорят, что основная причина поддержки шиитов в регионе заключается не столько в конфессиональной близости, сколько в том, что именно шиитские политические деятели наиболее активно и упорно сопротивляются Западу и его сателлитам. То есть в качестве основного фактора помощи Ирана шиитским организациям указывается именно их постоянная борьба с Западом и Израилем. Так, например, иранские официальные лица заявляют, что сирийский президент Башар Асад мужественно борется против Америки и Израиля, которые посылают в его страну террористов-наемников, чтобы свергнуть легитимный режим, и поэтому заслуживает всемерной помощи как лидер, с оружием в руках противостоящий западной гегемонии (Tasnim 2019). При этом иранские власти подчеркивают, что шиитские движения и организации в Ираке, Сирии и Ливане вовсе не навязывают свою власть силой, за ними стоит мощная народная поддержка, в том числе многих местных суннитов. Так, по их словам, шиитские лидеры Ирака избраны большинством иракского народа, а режим Асада пользуется поддержкой не только алавитов, но и подавляющего большинства сирийцев-суннитов, что показали

выборы 2021 г., на которых Асад, по официальным данным, получил 95 % голосов избирателей при явке в 78 % (Lucas 2021)¹. В то же время в качестве основного фактора противостояния с Саудовской Аравией, где официально установлен исламский теократический режим, иранские лидеры указывают то, что саудовская королевская семья следует исламу лишь на словах, а на самом деле полностью подчинена американскому (то есть антиисламскому по своей сути) внешнеполитическому курсу, не останавливаясь перед преступлениями против мусульман в Йемене, Сирии, Ираке и Бахрейне (Вахси Al-Muti 2016).

Стоит отметить, что иранские войска в Сирии оказались в том числе в районах, пограничных с Израилем – злейшим врагом Ирана. В этой связи Израиль начал активно бомбить расположения проиранских формирований в Сирии. От израильских авиаударов иногда погибали офицеры КСИР (Александров 2023). Однако реакция Ирана была достаточно слабой: в большинстве случаев иранцы не отвечали на действия Израиля. По некоторым данным, причиной такой ситуации стала позиция Башара Асада, который попросил иранцев не делать этого во избежание эскалации конфликта (Āfarineš 2022). Так или иначе, в регионе имеет место пря-

¹ Отметим в этой связи, что в самой Сирии восприятие роли Ирана радикально отличается у различных политических групп. Если сторонники правительства Б. Асада приветствуют вмешательство Ирана и «Хезболлы» на стороне властей как помощь в стабилизации страны и защите граждан от боевиков, то многие известные представители сирийской оппозиции (как светской, так и – особенно – исламистской) крайне негативно относятся к современному Ирану и его роли в Сирии. Так, Махмуд аль-Хамза, представитель Сирийского национального совета (СНС) в России (СНС объединяет многие светские и некоторые исламистские организации, называющие себя умеренными), считает политику ИРИ неокOLONиальной и направленной на подчинение Сирии своим интересам, а правительство Асада считает марионеточным по отношению к Ирану. Он одновременно выступает и против политики США в Сирии, то есть его антииранская позиция вызвана не симпатиями к Западу, а обидой из-за поддержки Ираном режима Асада, который он считает нелегитимным и преступным (Коц, Стешин 2012). Еще более непримиримую позицию занимает Усама аль-Малухи, лидер суннитско-исламистского «Совета спасения Сирии». Эта организация, называющая себя умеренной и официально декларирующая неприемлемость убийства мирных жителей, включая алавитов, занимает антиамериканскую и антиизраильскую позицию, то есть ее неприятие режима Асада также не связано с любовью к Западу: организация обвиняет президента в массовых преступлениях против мусульман-суннитов. По словам У. аль-Малухи, режим Б. Асада «продал родину Ирану», а в Сирии идет «национально-освободительная война против иранского колониализма», который, в частности, выражается в том, что иранцы, по его словам, скупили 40 % зданий в старых кварталах Дамаска (YouTube 2015).

мое вооруженное столкновение политически противоположных сил (прозападный Израиль и антизападные иранские силы), пусть и ограниченное по масштабам. Более того, в январе 2020 г. произошел чрезвычайно значимый инцидент в противостоянии между иранцами и американцами: по прямому приказу Д. Трампа был убит Касем Сулеймани, командующий элитным спецподразделением «Кудс» в составе КСИР, которое выполняло боевые задачи в Ираке и Сирии. Представитель Ирана в ООН назвал это убийство актом «государственного терроризма». Сторонники иранского режима считают Сулеймани героем и мучеником, боровшимся против гегемонии США на Ближнем Востоке, хотя некоторые оппозиционные режиму зарубежные иранские деятели и аналитики обвинили самого Сулеймани в убийствах мирных сирийцев и иракцев (из них часть поддержала убийство Сулеймани, а часть заявила, что его надо было судить за преступления, а не убивать без суда). Члены некоторых оппозиционных прозападных группировок зашли так далеко, что даже защищали Трампа, когда он угрожал авиаударами по памятникам иранской культуры (Selvik, Ranji 2023).

В последние несколько лет активизировалось также другое, вне-региональное внешнеполитическое направление Ирана – а именно взаимодействие со сверхдержавами Евразии: Россией и Китаем. В октябре 2019 г. начал действовать договор о свободной торговле Ирана с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), сформированным вокруг России. В марте 2021 г. был заключен ирано-китайский договор об экономическом взаимодействии в ближайшие 25 лет, предусматривающий инвестирование Пекином 400 млрд долларов в экономику ИРИ в обмен на льготные условия продажи иранской нефти. В сентябре 2022 г. Иран стал полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. В ближайшие годы страна, возможно, станет полноправным членом ЕАЭС. С 1 января 2024 г. начнется полноценное членство Ирана в БРИКС. Все это означает, что в Тегеране после нескольких десятилетий последовательного внешнеполитического нейтралитета приняли курс на построение тесных союзнических отношений с Москвой и Пекином. При этом, по словам иранских властей, одна из главных целей формирующегося союза – борьба против старого однополярного миропорядка и построение многополярного мира, в котором Запад больше не сможет навязывать другим странам свою волю. Иранцы, усиливая экономическое взаимодействие с Россией и Китаем, также стремятся нейтрализовать серьезное негативное влияние западных санкций на экономику страны и получить доступ к остро необ-

ходимым инвестициям, особенно в нефтегазовой отрасли. Наиболее серьезные санкции, больно ударившие по экономике, были введены США и Евросоюзом в 2012 г. и расширены администрацией Д. Трампа в 2018–2019 гг. (о влиянии санкций на экономику Ирана с 1979 г. см.: Зотин 2018).

Последние статистические данные показывают особо активный рост экономического взаимодействия Ирана с Россией. Так, товарооборот двух стран достиг 4,6 млрд долларов в 2022 г., а по объемам инвестиций в иранскую экономику Россия вышла на первое место с 2,8 млрд долларов (Смирнова 2023). Очевидно, что данная тенденция наращивания российско-иранского торгово-экономического взаимодействия в ближайшие несколько лет будет только усиливаться, так как обе страны страдают от суровых западных санкций.

Необходимо добавить, что в самое последнее время произошло существенное потепление ирано-саудовских отношений. Это вызвано несколькими факторами: усталостью обеих стран от непрямого военного противостояния, отходом саудовских властей от полного подчинения США и проведением ими более независимой политики, в том числе в отношениях с Россией, уверенной победой правительства Б. Асада почти над всеми отрядами вооруженной оппозиции в Сирии, с которой в конечном счете смирились в Эр-Рияде, а также активным посредничеством Китая по примирению сторон. С лета 2021 г. стороны провели несколько раундов переговоров, в результате которых в марте 2023 г. дипломатические отношения между Тегераном и Эр-Риядом были восстановлены. Примирение привело к резкому снижению интенсивности конфликта в Йемене, где впервые с 2015 г. в течение довольно длительного времени удавалось соблюсти соглашение о прекращении огня начиная с марта 2022 г. Резко улучшились также ирано-турецкие отношения, поскольку администрация Р. Т. Эрдогана признала реальность победы Асада в Сирии.

Иранская модель модернизации и роль Ирана в начавшейся реконфигурации Мир-Системы

Итак, Иран в последние десятилетия выступает в качестве страны, самым активным образом противостоящей западной цивилизации – современному центру Мир-Системы. Это противостояние заключается не только в борьбе Ирана против политического влияния Запада на Ближнем Востоке. Официальная идеология Ирана, осно-

ванная на принципах консервативного шиизма, также носит резко противостоящий Западу характер. В иранских школах и университетах осуществляется индоктринация учащихся с целью вызвать негативные чувства к США, Израилю и Западной Европе из-за их угнетательской политики в регионе и мире. Власти Ирана постоянно говорят о преступлениях Америки и Израиля в мире, особенно на Ближнем Востоке: в Ираке, Афганистане, Сирии, Палестине.

Кроме того, в Иране постоянно осуждается образ жизни, распространяемый западными элитами в своих странах: гедонизм и избыточное потребление, массовое распространение атеизма и активное поощрение ЛГБТ. Все эти процессы считаются в Иране деструктивными и опасными для общественного развития. К прозападной династии Пехлеви (1925–1979) в Иране на официальном уровне существует крайне негативное отношение: ее обвиняют в добровольном подчинении Западу (до Второй мировой войны – Великобритании, затем – США), а также в продаже за бесценок природных ресурсов западным компаниям и в развращении иранского общества по западным рецептам (поощрение показа неприемлемых с точки зрения ислама фильмов и популяризация неприемлемой в исламском обществе слишком открытой одежды, в чем особенно активно участвовала жена последнего шаха Фарах, а также массовая продажа алкоголя, разрешение аборт и др.). По мнению представителей исламского режима, фактически Иран через династию Пехлеви был оккупирован Западом в политическом, экономическом и культурном отношении, страной правила сказочно богатая, насквозь коррумпированная и развращенная верхушка, полностью отчужденная от стремлений, чаяний и ценностей мусульманского большинства, и только большие жертвы, которые понес иранский народ в ходе Исламской революции, позволили освободить страну от оккупационного гнета (см.: Salimi-Namin 2019).

Можно сказать, что Иран превратился в активный центр сопротивления однополярному миропорядку еще задолго до входа Мир-Системы в нынешнюю фазу турбулентности. Но это произошло не только благодаря исламистской идеологии. Наличие исламского режима не обязательно означает борьбу против западной гегемонии. Хотя очень многие исламистские режимы антизападно настроены (например, режим Зия-уль-Хака в Пакистане), но все же существуют отдельные страны с исламистскими режимами, имеющие теплые отношения с США, такие как Саудовская Аравия и особенно Катар. В случае Ирана, на наш взгляд, очень важной причиной

активного противостояния Западу является негативное прошлое и национальное унижение, которое страна испытала после организованного США переворота 1953 г. Если говорить о еще более давних событиях, можно вспомнить действия в 1917–1919 гг. Великобритании, чьи оккупационные войска запретили ввоз зерна в Иран и одновременно скупали и вывозили его из страны, тем самым резко обострив начавшийся в стране голод; всего из-за голода и последовавших за ним эпидемий тогда погибло до трети населения страны (Šahidi 2016). Активная помощь США иракскому режиму в ходе его агрессии, даже несмотря на использование Ираком против Ирана химического оружия, и тяжелые экономические санкции также вызывают весьма негативные эмоции у иранцев. Основатель исламского режима аятолла Хомейни говорил о глубоко травмирующем опыте Ирана в отношениях с Западом (Khomeini 2008b). Все эти факторы исторических травм обусловили столь негативное отношение Ирана к Западу и активное стремление иранцев изменить существующий миропорядок в свою пользу. В последние годы ИРИ стремится привлечь для этого к себе на помощь Россию и Китай. Учитывая резкое ускорение реконфигурации Мир-Системы начиная с 2022 г., можно спрогнозировать активное участие (вернее, активное продолжение уже давно наблюдающегося участия) Ирана в ликвидации старого мирового порядка в ближайшем будущем. С учетом своих колоссальных природных ресурсов и выгодного геополитического положения в стратегически важном регионе Евразии на перекрестке торговых путей Иран вполне может стать одним из лидеров в формирующемся новом миропорядке.

Иранский опыт модернизации при исламском режиме неоднозначен. С одной стороны, после революции в стране наблюдался огромный скачок в социально-экономическом развитии. По нашим расчетам на основе данных Всемирного банка, в 1978 г. непосредственно перед Исламской революцией Иран по продолжительности жизни (55,9 лет) занимал 150-е место в мире из 207 стран и территорий, по которым имеются данные; то есть 72 % стран мира имели продолжительность жизни выше, чем Иран. Тогда шахский Иран опережали такие несопоставимо более бедные страны со слабо развитым здравоохранением, как Гондурас (135-е место), Намибия (139-е место), Кения (142-е место), Папуа – Новая Гвинея (146-е место), Эсватини (147-е место) (World Bank 2023). При этом по ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 1976 г., когда был зафиксирован самый высокий его уровень,

Иран с показателем 10,7 тыс. долларов находился на уровне Португалии (10,9 тыс. долларов) и превосходил страны Восточной Европы: в Польше этот показатель составил 9,4 тыс. долларов, а в Югославии – 8,3 тыс. долларов (Maddison 2020). Достаточно высокое значение ВВП на душу населения (в значительной степени из-за сверхдоходов от продажи нефти с 1973 г.) при отставании даже от большинства развивающихся стран мира по продолжительности жизни отчетливо показывает совершенно недостаточное внимание последнего шаха к социальному развитию своей страны².

Однако 40 лет спустя, в 2018 г., Иран занимал уже 76-е место из 209 стран и территорий с показателем 76,2 года, и, таким образом, только 36 % стран мира опережали ИРИ по этому показателю. Теперь среди 15 стран, опережавших Иран (61–75 места), оказались не африканские, а преимущественно среднеразвитые восточноевропейские государства, завершившие демографический переход гораздо раньше – например, Польша (62-е место), Словакия (66-е место), Босния и Герцеговина (69-е место), Черногория (72-е место), Северная Македония (74-е место). Позади Ирана остались такие страны Восточной Европы, как Венгрия (79-е место), Сербия (82-е место), Литва (87-е место) и Румыния (89-е место). Это означает, что Ирану за 40 лет удалось опередить 74 страны и территории по продолжительности жизни, практически выйдя на уровень стран Восточной Европы, что наглядно говорит о достижениях Исламской Республики в сфере здравоохранения. Иранский успех в отношении стремительного снижения смертности малоизвестен и заслуживает популяризации в мировом научном сообществе. Впрочем, в мире (преимущественно на Ближнем Востоке) есть несколько стран с еще лучшим результатом – в частности Оман, Ливан и особенно Алжир, поднявшийся за этот же период со 169-го (50,4 года) на 78-е место (76,1 года), обогнав, таким образом, 91 страну (World Bank 2023). Но нужно помнить, что Иран, в отличие от других ближневосточных стран, достиг таких результатов, находясь под серьезными санкциями. Следовательно, если бы не было внешне-

² Несмотря на колоссальный приток нефтедолларов, шах не смог адекватно распределить эти доходы среди всего населения. Поэтому в Иране наблюдалось очень большое неравенство: на севере Тегерана возникли богатейшие районы с домами стоимостью миллионы долларов, и их жители ежедневно летали обедать в Мюнхен или заказывали обед из Парижа самолетом (Капушинский 2007). При этом 10–20 % тегеранцев жили в трущобах без света и воды. Этим воспользовался Хомейни и начал критиковать режим шаха за отсутствие заботы о бедных и нищете жителей трущоб (Ходунов 2020: 541).

экономического давления, он бы, скорее всего, продемонстрировал еще более впечатляющий результат.

Столь быстрый рост продолжительности жизни в стране после революции произошел за счет обеспечения деревень бедных городских районов чистой питьевой водой и канализацией, а также благодаря созданию качественной системы здравоохранения, охватывающей не только города, но и сельскую местность, благодаря чему к 1998 г. 85 % сельского населения получили доступ к медицинской помощи (Vahidnia 2007: 262–263). Обращает на себя внимание, что очень большой прогресс в средней продолжительности жизни был достигнут во время правления Хомейни: тогда этот показатель вырос почти на 10 лет – до 65,7 лет (World Bank 2023), несмотря на то что ВВП на душу населения в 1989 г. из-за разрушительной агрессии Ирака и санкций уменьшился вдвое – до 5,3 тыс. долларов (Maddison 2020). Такой результат был достигнут во многом за счет социальных мероприятий, осуществленных по инициативе Хомейни. Несмотря на войну, социальные расходы выросли с 15 % бюджета до революции до 30–50 % в 1980-е гг. Жилищные условия и инфраструктура в деревнях и бедных городских кварталах были значительно улучшены. Особенно большую роль в благоустройстве иранских деревень сыграло Министерство созидательного труда, с помощью которого деревни были обеспечены электричеством, чистой питьевой водой, дорогами, школами и больницами. Были также созданы исламские фонды – *боньяды*, чья задача состояла в предоставлении социальных услуг бедным (Ходунов 2020: 542). Детская смертность (до 5 лет) при Хомейни в условиях войны и обвала доходов за 1979–1989 гг. снизилась в 1,9 раза (для сравнения, в соседней Турции, где наблюдался быстрый экономический рост, за эти же годы снижение составило 1,7 раза [World Bank 2023]).

Весьма выдающихся успехов достигла страна и в сфере образования: грамотность среди населения 15 лет и старше по переписи 2016 г. достигла 85,5 % (в 1976 г. – только 36,5 %). Среди молодежи 15–24 лет грамотность в 2016 г. была почти всеобщей – 98,1 % по сравнению с 56,5 % в 1976 г. (World Bank 2023). Очень большую роль в ликвидации неграмотности сыграл Хомейни. Он назвал высокий уровень неграмотности позором для революционного исламского общества, где все – и мужчины, и женщины – должны стремиться к знаниям, призвал к решительному искоренению неграмотности и потребовал «превратить Иран в школу». 28 декабря 1979 г. указом Хомейни было создано Движение по обучению гра-

мотности Ирана. По всей стране были организованы курсы по ликвидации неграмотности, которые включали в себя также обучение исламским нормам и политической системе Ирана. К 1989 г. курсы по ликвидации неграмотности посетили 8,2 млн иранцев, в том числе 65,2 % женщин, из которых 41 % полностью их закончил (Mehran 1992). Число студентов высших учебных заведений выросло со 150 тыс. в конце 1970-х гг. до 3 млн в 2007 г. (Ансари 2007), что означает резкое повышение доступности высшего образования. При этом девушек среди студентов – более 50 %. Активно идет прогресс в области науки: число публикаций иранских авторов в научных изданиях, включенных в базу данных Scopus, выросло с 41,5 тыс. в 2012 г. до 71,6 тыс. в 2020 г. За это же время резко повысился процент статей, опубликованных в первом квартале международных изданий: с 24 % до 39 %, что говорит о значительном повышении качественного уровня. Однако расходы на науку из-за экономических санкций пока еще явно недостаточны – 0,8 % от ВВП в 2020 г. вместо запланированных 3 %. Также иранская наука из-за недостаточного финансирования серьезно страдает от «утечки мозгов»: в стране работают 119 тыс. ученых, а за рубежом, в основном на Западе – более 110 тыс. (Дежина 2022).

Впечатляющих успехов достигла страна и в плане снижения рождаемости: всего за 16 лет она упала до уровня простого воспроизводства, с 6,8 ребенка на женщину в 1984 г. до 2,2 в 2000 г. (Воронов 2006). Важную роль в столь быстром ее снижении сыграла позиция иранских религиозных лидеров о необходимости перехода к небольшим семьям для сокращения давления стремительно растущего населения на экономику, а также принятие в 1989 г. государственной программы планирования семьи. Благодаря этой программе за короткий срок была создана целая сеть бесплатных и доступных центров планирования семьи по всему Ирану, а также проводилась разъяснительная работа с населением в школах, университетах, по радио и телевидению и даже в мечетях о необходимости сокращения числа детей в семье. Кроме того, Министерство здравоохранения обучило 5 тыс. акушеров – молодых сельских женщин, которые стали работать в родных деревнях и помогли быстро снизить детскую и материнскую смертность, а заодно распространить контрацепцию среди сельских жителей (Vahidnia 2007: 262–263).

Учитывая возрастающую дестабилизацию Мир-Системы и устойчивый рост числа погибших в вооруженных конфликтах начиная с 2011 г. (триггером, по всей вероятности, выступила сирийская гражданская война с ее особо высоким количеством жертв), крайне

важным представляется опыт ведения войны иранским руководством в 1980-х гг. Тогда начиная с 1984 г. иранские города подвергались интенсивным бомбардировкам иракских пилотов, что привело к гибели 16 тыс. мирных жителей (из них – 4,4 тыс. женщин) и временному перемещению миллионов человек из своих родных мест (Hawzah 2013). Кроме того, в приграничных районах было применено химическое оружие, вызвавшее массовую гибель людей. Иранские офицеры в панике просили Хомейни разрешить отомстить и точно таким же способом разрушить иракские города и применить химическое оружие против Ирака. Однако Хомейни отказался дать разрешение на возмездие, объясняя это религиозным запретом шариата на убийство мирных жителей на войне при любых обстоятельствах, и приказал вести войну предельно внимательно и аккуратно, чтобы даже случайно не пострадал ни один невиновный иракец. Он, в частности, разрешил бомбить только военные и экономические объекты, запрещая сбрасывать бомбы на больницы, рынки, жилые дома, и велел предупреждать иракцев за 72 часа перед бомбардировкой каждого объекта, чтобы они успели эвакуировать оттуда людей. Он также запретил бомбить любые объекты в четырех священных шиитских городах (Кербела, Эн-Неджеф, Самарра, Эль-Казимайн). Иранским летчикам пришлось, рискуя жизнями, выполнять это распоряжение верховного главнокомандующего (Maʿreq 2012). Это свидетельство взято из иранского источника, но существуют также иностранные свидетельства, косвенно подтверждающие его. Так, в целом Багдад, в отличие от Тегерана, по свидетельствам британского журналиста Алана Расбриджера, находившегося в городе в апреле 1988 г., во время обстрелов противника жил нормальной повседневной жизнью, так как иранцы в Багдаде в основном атаковали военные и инфраструктурные объекты (Rusbridger 1988), а иракские самолеты в Тегеране – преимущественно жилые кварталы. Кроме того, существует свидетельство канадского философа Робина Карлсена о встрече с Хомейни в феврале 1982 г. Р. Карлсен сообщает, что личность Хомейни произвела на него чрезвычайно позитивное впечатление, а сам он в своем выступлении говорил о необходимости помиловать и отпустить на свободу несколько тысяч заключенных (Карлсен 2020). Таким образом, вполне вероятно, что Хомейни действительно бережно относился к мирным жителям Ирака в ходе войны.

Позицию Хомейни можно сравнить с поведением У. Черчилля, который в ответ на бомбардировки нацистами британских городов взял на вооружение политику бесконтрольной мести по отношению

к гражданскому населению Германии и разрешил военному командованию провести интенсивные бомбардировки жилых кварталов Дрездена, приведшие к гибели как минимум 25 тыс. мирных жителей. Решение лидера Ирана о категорическом запрете бомбежек гражданских целей должно изучаться в современном мире как пример ведения войны в соответствии с международными конвенциями (в случае Ирана речь шла о традиционных исламских нормах защиты мирных жителей во время военных действий, которые по своей сути совпадают с международными конвенциями). Однако полностью гибели мирных жителей Ирака все же избежать не удалось, в том числе из-за использования устаревших ракет, которые иногда попадали в гражданские объекты – например, в багдадскую школу (Rusbridger 1988).

Несмотря на такой позитивный пример поведения во внешней политике, существует очень много нареканий к современному иранскому режиму по поводу политических репрессий внутри страны. Особенно активно поднимала тему репрессий администрация Д. Трампа, чрезвычайно враждебно настроенная к исламскому режиму. Госсекретарь администрации Трампа М. Помпео в ноябре 2020 г. выдвинул против иранской власти целый ряд разнообразных обвинений: финансирование терроризма за рубежом, репрессии внутри страны, убийство 1,5 тыс. демонстрантов, в том числе 23 детей, в ходе вооруженного подавления демонстраций ноября 2019 г., пытки и изнасилования тысяч политзаключенных, назвав иранский народ «самой многострадальной жертвой» исламского режима (Pompeo 2020). Европарламент также постоянно критикует Иран за практикуемую там смертную казнь, средневековые телесные наказания, нарушение прав женщин (особенно активисток, выступающих за отмену обязательного ношения исламской одежды), серьезные ограничения свободы слова и преследования журналистов, гражданских и политических активистов (European Parliament 2020). Учитывая откровенную враждебность политического Запада к Исламской Республике Иран, к обвинениям со стороны западных лидеров нужно относиться с большой осторожностью. Тем более что, по некоторым сведениям, ситуация с правами человека в Иране не так страшна, как ее рисуют на Западе. Бывший посол этой страны в России Сейед Махмуд Реза Саджади в интервью в 2011 г., в частности, сообщил, что такой вид наказания, как забивание камнями, больше не применяется. Российские эксперты по иранскому праву говорят, что в Иране больше нет уголовного наказания за отход от ислама, хотя миссионерство по-прежнему фактически запрещено (Сеньчукова, Маковейчук 2011).

Вместе с тем существуют также известные авторитетные иранцы, которых нельзя назвать радикально прозападными или антиисламски ориентированными, и которые все-таки критикуют режим. Так, правозащитница и нобелевский лауреат 2003 г. Ширин Эбади, находящаяся в оппозиции к исламскому режиму, но при этом являющаяся верующей мусульманкой, в своей книге описывает много случаев нарушений прав человека в Исламской Республике, в особенности дискриминацию бахаитов, которых, по ее словам, иногда осуждают на длительные сроки заключения без каких-либо доказательств, а также суфиев, как и случаи разгона мирных оппозиционных демонстраций, не нарушающих нормы ислама, и некоторые другие виды репрессий. По ее словам, выборы в высшие органы власти после массовых демонстраций из-за подозрений в фальсификации президентских выборов 2009 г. больше не являются состязательными, так как реальным оппозиционным конкурентам правящему консервативному истеблишменту, в том числе А. А. Хашеми Рафсанджани, больше не разрешают принимать в них участие (Ebadi 2017). Эти обвинения, конечно, нуждаются в дополнительных подтверждениях и исследованиях. Но в целом очевидно, что некоторые из них имеют под собой реальную почву: в иранском обществе, несмотря на отмеченные достижения, постепенно накапливаются серьезные проблемы и растет недовольство.

Даже по данным объективных и неангажированных исследователей, в Иране в последние годы появляется все больше проблем, которые могут поставить под угрозу стабильность режима. Судя по всему, иранская общественно-политическая модель прошла пик своей наибольшей эффективности и все ощутимее движется к своему кризису (подробное рассмотрение причин этой ситуации выходит за рамки данной статьи). В стране постоянно происходят массовые протесты с радикальными лозунгами о смене исламского режима, в которых, помимо студентов и интеллигенции, все большее участие принимают бедные слои, до последнего времени прочно поддерживавшие исламский режим. Протесты активно подогреваются прозападными зарубежными телеканалами. Очень серьезное давление на экономику страны оказывают западные санкции. Однако помимо внешних факторов нельзя не отметить внутренние причины массового недовольства: неэффективность экономической политики, бюрократизированность, повсеместную коррупцию, высокую инфляцию и безработицу. Иранская оппозиционная интеллигенция выступает против серьезных ограничений свободы прессы, согласно которым фактически запрещена критика власти.

Светски настроенные иранцы и особенно иранки недовольны жесткими религиозными ограничениями в одежде (Сажин 2022).

Эксперты говорят о крайне необдуманных экономических решениях КСИР, которые в условиях экономической блокады и отсутствия крупных зарубежных предприятий-конкурентов монополизировали некоторые важные отрасли экономики, и их деятельность часто наносит огромный экологический ущерб: например, в арабоязычной провинции Хузестан из-за активного выращивания сахарного тростника и переброски воды в центральную часть Ирана (обе активности осуществлены компаниями, принадлежащими КСИР) произошло пересыхание рек и озер, что привело к массовым «водным» протестам в июле 2021 г. (Железнов 2021). Национальные меньшинства недовольны неравноправным положением своих языков, в частности слабым развитием обучения и книгоиздательства на местных языках. Иранское государство, точнее – представители КСИР, в свою очередь, вместо того чтобы пойти навстречу протестующим в том, что не угрожает основам режима, по некоторым сведениям, в последние годы все чаще отвечает на протесты чрезмерным применением силы, что только озлобляет оппозицию (Сажин 2022)³. Рассуждая о причинах беспорядков, власти и официальные СМИ говорят исключительно о внешних заговорах, не рассматривая внутренний аспект недовольства (Железнов 2021). Все эти факторы рискуют подорвать стабильность политического режима уже в среднесрочной перспективе.

Стоит отметить также и все увеличивающееся влияние на взгляды иранцев, особенно иранской молодежи, оппозиционных и базирующихся на Западе ираноязычных СМИ, которые идеализируют времена династии Пехлеви, скрывая ее преступления, а также умалчивают обо всех достижениях исламского режима, зачастую преувеличивая негативные стороны жизни современного Ирана.

Весьма опасен также феномен радикализации некоторой части оппозиционно настроенных иранцев: среди них отчетливо формируется группа, нетерпимо относящаяся не только к исламскому режиму, но и к исламской культуре как таковой и выступающая, на-

³ Вместе с тем необходимо упомянуть такое явление в политической жизни Ирана, как регулярные массовые амнистии, объявляемые верховным лидером в честь праздничных дат. Так, в феврале 2023 г. в честь годовщины Исламской революции указом верховного лидера была объявлена амнистия, в ходе которой были освобождены 82 тыс. заключенных, из них 22 тыс. участников протестов 2022 г., а еще 34 тыс. человек смягчили наказание, за исключением лиц, совершивших тяжелые уголовные преступления и кражи (ТАСС 2023).

пример, за полное «очищение» персидского языка от всех арабских и тюркских заимствований путем внедрения в язык искусственно придуманных и не имеющих прочной языковой почвы «чисто персидских» слов (то есть фактически за радикальное обеднение словарного запаса персидского литературного языка и полный разрыв тысячелетних языковых связей с арабо-исламским миром). Также эта группа поддерживает запрет традиционных исламских ритуалов, преследование исламского духовенства, насильственное насаждение атеизма (или доисламской религии – зороастризма) среди иранцев и т. д. Совершенно очевидно, что в случае прихода к власти этой группы (например, с помощью США, в которой работает целый ряд иранских антиисламских политических организаций, лоббирующих свержение исламского режима, например широко известная леворадикальная организация «Моджахедин-э Халк»), произошла бы настоящая катастрофа в общественной и культурной жизни страны: традиционная ирано-исламская культура, существующая вот уже 1,4 тыс. лет и давшая миру множество выдающихся представителей, могла бы серьезно пострадать, что сопровождалось бы массовым убийством иранской культурной элиты и деградацией общественной жизни. Это могло бы в конечном счете привести к хаосу и гражданской войне с многочисленными жертвами и разрушениями историко-культурных памятников. Нетерпимость этой радикальной группы к исламской религии ярко проявилась в разрушениях радикальным крылом протестующих многочисленных религиозных объектов: в ходе протестов 2017–2018 гг. было разрушено 60 резиденций пятничных имамов (Fathollah-Nejad 2020), а в ходе протестов осенью 2022 г. был сожжен дом-музей аятоллы Хомейни (Кассем 2022). Также в последние годы имели место случаи жестокого избиения шиитских священнослужителей как явный показатель ненависти к представителям ирано-исламской культуры со стороны местных радикалов (ИноСМИ 2012).

Все это не является совсем уж невероятным сценарием. Ведь сходные процессы в Иране уже наблюдались в период династии Пехлеви, особенно при правлении ее основателя Реза-шаха (1925–1941): интенсивная борьба за вытеснение арабизмов из персидского языка, осуществлявшаяся командно-административными методами, хладнокровный массовый расстрел по приказу шаха нескольких тысяч оппозиционных режиму верующих мусульман в мечети Гохаршад в священном для шиитов городе Мешхед в 1936 г. за отказ от традиционной исламской одежды (Дорошенко 1985: 89), убийства выдаю-

щихся представителей духовенства (например, аятоллу Хасана Модарреса задушили прямо во время его молитвы), запрет на традиционную исламскую одежду и насильственное навязывание европейской одежды (полиция режима особенно грубо обращалась с городскими женщинами, срывая с них на улицах платки), запрет важных шиитских религиозных церемоний, а также насильственная персидская культурно-языковая ассимиляция национальных меньшинств (см.: Алиев 2002: 504–509). Сам Реза-шах, по словам консервативного иранского историка и политика Аббаса Салими-Намина, пришел к власти с помощью англичан, которые выбрали его как самого необразованного и безвольного среди всех претендентов на власть, чтобы он полностью выполнял все их распоряжения, касающиеся внешней политики и природных ресурсов Ирана (Salimi-Namin 2011).

Если экономическая ситуация в стране продолжит ухудшаться, а социально-политические проблемы – накапливаться, это приведет к ослаблению государственного аппарата и увеличению шансов на приход к власти (с помощью некоторых зарубежных сил) подобных радикальных движений, ненавидящих собственную традиционную культуру. Поэтому Иран для успешной борьбы за свое место в новом мировом порядке нуждается в стабилизации обстановки внутри страны путем серьезных и комплексных внутренних реформ, особенно резкого ускорения экономического развития и эффективной борьбы с коррупцией. Например, для победы над коррупцией ИРИ можно было бы использовать набор рекомендаций, предложенных ООН (Коротаев, Халтурина 2009). Теоретически улучшению экономической обстановки может помочь снятие санкций со стороны администрации Дж. Байдена, по поводу чего ведутся непрямые ирано-американские переговоры. Если же стороны не сумеют прийти к компромиссу, то выходу из экономического кризиса частично может способствовать активизация связей с Россией, Китаем и другими крупными странами Евразии. Но стране остро необходимы также серьезные и глубокие внутренние экономические и политические преобразования (в том числе определенная степень политической либерализации – в том объеме, который допустим в рамках господствующей религиозной доктрины), чтобы снова обеспечить иранскому обществу динамичное развитие.

Библиография

Александров С. 2023. Военный советник Ирана погиб в результате израильского авиаудара. *Lenta.ru* 31 марта. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/31/iranian_advisor/.

- Алиев А. А. 2002.** *Иран vs Ирак: история и современность*. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Алиев С. М. 2004.** *История Ирана. XX век*. М.: Ин-т востоковедения РАН/Крафт+.
- Ансари Г. 2007.** Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в Российской Федерации Голамрези Ансари с телеканалом «Вести». URL: <http://www.farsiiran.narod.ru/analytics/interviewansari2.htm>.
- Воронов С. С. 2006.** Некоторые политико-экономические составляющие всеобщей переписи населения Ирана 2006 г. *Институт Ближнего Востока* 31 октября. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/31-10-06.htm>.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2019.
- Дежина И. Г. 2022.** Наука под санкциями: опыт иранских университетов. *Университетское управление: практика и анализ* 26(3): 22–34. DOI: 10.15826/umpra.2022.03.019.
- Дорошенко Е. А. 1985.** *Шиитское духовенство в современном Иране*. М.: Наука.
- Железнов А. А. 2021.** Протесты в Хузестане как отражение внутренних социальных и политических проблем Ирана. *Институт Ближнего Востока* 13 октября. URL: <http://www.iimes.ru/?p=80236>.
- Жигалина О. И. 1996.** *Этносоциальная эволюция иранского общества*. М.: Вост. лит-ра.
- Зотин А. 2018.** На дальней санкции сойду. Как Иран 40 лет обходит меры принудительного воздействия. *Коммерсантъ* 22 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3605589>.
- ИноСМИ. 2012.** Нескромно одетые девушки избили муллу, сделавшего им замечание. *ИноСМИ* 20 сентября. URL: <https://inosmi.ru/20120920/199516096.html>.
- Капушинский Р. 2007.** *Император. Шахиншах*. М.: Европейские издания.
- Карлсен Р. 2020.** Встреча с имамом Хомейни. Ч. 2. *Исламская революция. Вчера. Сегодня. Завтра* 2 мая. URL: <https://iran1979.ru/robin-karlsen-vstrecha-s-imamom-homejni-ch-2/>.
- Кассем Х. 2022.** Год огня и крови: в Иране сожгли дом-музей аятоллы Хомейни. *News.ru* 19 ноября. URL: <https://news.ru/near-east/god-ognya-i-krovi-v-irane-sozhgli-dom-muzej-ayatolly-homejni/>.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коц А., Стешин Д. 2012.** Сирийский оппозиционер: «Огромная ошибка России в том, что вы недооценили, что сирийцы не любят Запад». *Комсомольская правда* 17 июля. URL: <https://www.kp.ru/daily/26511/3422968/>.

- Мамедова Н. М. 2013.** Основные направления социально-экономической политики правительства Махмуда Ахмадинежада. *Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна*. М.: Ин-т востоковедения РАН / Центр стратегической конъюнктуры. С. 40–53.
- Миняжетдинов И. Х. 2017.** Победа, равносильная поражению: о чем молчат руины Мосула. *РСМД* 5 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pobeda-ravnosilnaya-porazheniyu-o-chem-molchat-ruiny-mosula/>.
- РБК. 2012.** Израиль бойкотировал речь М. Ахмадинежада в ООН. *РБК* 26 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2012/5703fd739a7947fcbd440d99>.
- Сажин В. И. 2017.** Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве. *Контуры глобальных трансформаций* 10(3): 83–109. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-83-109.
- Сажин В. И. 2022.** Хиджаб, смерть и политика. *Международная жизнь* 28 сентября. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37184>.
- Сажин В. И. 2023.** 70-летие переворота в Иране. *Международная жизнь* 19 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41832>.
- Сеньчукова М., Маковейчук Ю. 2011.** Равны ли религии в Иране? Интервью с послом Ирана в России (+ мнения экспертов). *Правмир* 3 августа. URL: <https://www.pravmir.ru/ravny-li-religii-v-irane-intervyu-s-poslom-irana-v-rossii-mneniya-ekspertov/>.
- Смирнова С. 2023.** Вложились по полной: Россия стала крупнейшим инвестором в экономику Ирана. *Известия* 23 марта. URL: <https://iz.ru/1487526/sofia-smirnova/vlozhilis-po-polnoi-rossiya-stala-krupneishim-investorom-v-ekonomiku-irana>.
- ТАСС. 2023.** В Иране амнистировали 22 тыс. участников осенних протестов. *ТАСС* 13 марта. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17253237>.
- Ткачев В. В. 2017.** Теория и практика экспорта исламской революции на примере Ирано-иракской войны. *История и историческая память* 15: 87–93.
- Филин Н. А., Кокликов В. О., Ходунов А. С. 2022.** Осмысление колониализма и деколонизации в современном социально-политическом дискурсе Ирана. *Международная аналитика* 13(3): 30–47. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-30-47.
- Ходунов А. С. 2020.** Социальная и демографическая политика в Иране в период правления Мохаммада-Резы Пехлеви и Рухоллы Хомейни: сравнительный анализ. *I российско-иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума (Москва, 16–18 ноября 2020 г.)* / Отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М.: Перспектива.
- Ходунов А. С. 2022.** Сравнение позиции России и Ирана по отношению к войнам в бывшей Югославии. *Россия и Иран: Пять веков сотрудничества:*

сборник материалов международной научной конференции / Отв. ред. А. Б. Безбородов, В. В. Наумкин, А. К. Аликберов. М.: РГГУ. С. 86–110.

- Abrahamian E. 2008.** *A History of Modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Āfarineš. 2022.** Bašār-e Asad māneʿ-е pāsox-e Irān be Esrāʿil az hak-e Suriye šode-ast! *Āfarineš* 4 сентября. URL: <https://afarineshdaily.ir/news/44970>.
- Baxši Al-Muti Dž. 2016.** Rahbar-e enqelāb: šajare-ye habise-ye malʿune-ye Āl-e Saʿud liyāqat-e edāre-ye harameyn-rā nadārad. *Mehr* September 7. URL: <https://www.mehrnews.com/news/3763728/>.
- Ebadi Sh. 2017.** *Until We Are Free: My Fight For Human Rights in Iran*. London: Rider.
- European Parliament. 2020.** Iran, in Particular the Case of 2012 Sakharov Prize Laureate Nasrin Sotoudeh. *European Parliament* December 17. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0376_EN.pdf.
- Fathollah-Nejad A. 2020.** *The Islamic Republic of Iran Four Decades On: The 2017/18 Protests amid a Triple Crisis*. Washington, DC: Brookings Institution & Doha.
- Hawzah. 2013.** Defāʿ-е moqaddas dar āyne-ye āmār. *Hawzah* October 15. URL: <https://hawzah.net/fa/Magazine/View/5211/7602/95062/>.
- Khomeini R. M. 2008a.** Speech Delivered to Religious Students, Clergymen and Members of the Public: The Crimes of the Shah and of those who Claim to Support Human Rights (18.02.1978). *Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters*. Vol. 3. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department). Pp. 342–352.
- Khomeini R. M. 2008b.** Last Message (Politico-Divine Will) to Iranian Nation, Muslims and Peoples of the World and next Generations: Politico-divine will (ever-lasting message of Imam Khomeini to the Contemporary ones and Next Generations) (15.02.1983). *Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters*. Vol. 21. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works (International Affairs Department). Pp. 394–452.
- Lucas S. 2021.** Iran's Rouhani Congratulates Assad On "Victory" in Syria's "Election". *EA Worldview* May 29. URL: <https://eaworldview.com/2021/05/irans-rouhani-congratulates-assad-on-victory-in-syrias-election/>.
- Maddison A. 2020.** World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1-2018. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020>.

- Mašreq. 2012.** Šorut-e Emām barāye hamle be Erāq če bud? *Mašreq* January 1. URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/88783>.
- Mehran G. 1992.** Social Implications of Literacy in Iran. *Comparative Education Review* 36(2): 194–211. DOI: 10.1086/447099.
- Pompeo M. R. 2020.** Anniversary of Protests in Iran. *U.S. Department of State* November 15. URL: <https://2017-2021.state.gov/anniversary-of-protests-in-iran/>.
- Rusbridger A. 1988.** Iraq Walkover maybe Due to Chemical War. *The Guardian* April 23.
- Sabah. 2014.** Erdoğan: Böyle bir dini lider olabilir mi? *Sabah* October 13. URL: <https://www.sabah.com.tr/video/turkiye/erdogan-boyle-bir-dini-lider-olabilir-mi>.
- Šahidi A. 2016.** Yatimxāne-ye Irān va qahti-ye bozorg. *Alef* December 11. URL: <http://alef.ir/vdcfy0djyw6d0ca.igiw.html?422811>.
- Salimi-Namin A. 2011.** Te‘dād-e kam-e šohadā-ye enqelāb-rā be naf‘-e šāh mosādere nakonid. *Tārix-e Irāni* January 26. URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/271/>.
- Salimi-Namin A. 2019.** Salimi-Namin: Āmrikāyihā barā-ye pahlavism āržešiqā‘el nistand. *Tasnim* January 15. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/10/25/1923284/>.
- Selvik K., Ranji B. 2023.** Messaging Soleimani’s Killing: The Communication Vulnerabilities of Authoritarian States. *International Affairs* 99(6): 2465–2484. DOI: 10.1093/ia/iia223.
- Sputnik Iran. 2022.** Pāsox-e Ra’isi dar bāre-ye jahān-e čandqotbi va jāygāh-e Irān be xabargozār-e Espotnik. *Sputnik Iran* October 25. URL: <https://spnfa.ir/20221025/13034205.html>.
- Tasnim. 2019.** Rouhāni dar didār-e Bašār Asad: Hamčun gozašte, dar kenār-e Suriye xāhim bud. *Tasnim* February 25. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/12/06/1956013/>.
- United States Institute of Peace. 2023.** Iran & China: Military Ties. *United States Institute of Peace* June 28. URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/jun/28/iran-china-military-ties>.
- Vahidnia F. 2007.** Case Study: Fertility Decline in Iran. *Population and Environment* 28(4–5): 262–263. DOI: 10.1007/s11111-007-0050-9.
- Walker D. 2017.** “An Agonizing Death”: 1980s U.S. policy on Iraqi chemical weapons during the Iran-Iraq War. *The Journal of the Middle East and Africa* 8(2): 175–196. DOI: 10.1080/21520844.2017.1315554.
- World Bank. 2023.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic Version. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>.
- YouTube. 2015.** Hal yuhaqqaq qasf Dimašq ahdaf as-thuwār bi-Suriyā? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=byOla0cXqsw>.